

Из наблюдений над динамикой украинских говоров междуречья Днестра и Дуная

Объектом исследования в данной статье являются особенности изменения украинских переселенческих говоров междуречья Днестра и Дуная (далее — МДД). Изучение динамики диалектов как идиомов, находящихся в постоянном развитии, осуществляется на основе сопоставления по-разному хронологически маркированных фактов или описаний синхронных срезов. Наблюдения над динамикой единиц диалектного членения позволяют прогнозировать развитие как диалектов, так и общенародного языка в целом.

Поскольку переселенческие говоры, по сравнению с первичными, труднее поддаются даже синхронному описанию, то и изучение диахронических преобразований в них связано с большими сложностями. Так, во вновь сформированных украинских говорах юго-восточного наречия в связи с гетерогенностью, афронтальностью¹ междиалектных контактов и своеобразием диалектообразующего процесса наблюдается значительная пестрота диалектного ландшафта. Отсутствуют четкие, очерченные определенными пучками изоглосс границы ареалов, представлена значительная чересполосица и мозаичность ареалов, разорванность изоглосс, сосуществование в одном говоре противопоставленных членов территориальной дифференциации (АУМ 3: 7; Жилко 1971). Это отражают материалы (АУМ 3) в виде недостаточно четкой очерченности ареалов картографированных языковых явлений, небольшого количества самих ареальных противопоставлений элементов разных уровней языковой системы (АУМ 3: 9; Матвіяс 1970).

Языковая ситуация, в которой развиваются переселенческие украинские степные говоры МДД, кроме того, характеризуется преимущественно афронтальными межъязыковыми контактами, как на диалектном, так и наддиалектном уровне. ЧДС подвергались и подвергаются влиянию русских, румынских, болгарских и др. диалектов, а также русского, румынского, украинского литературных стандартов.

Основные тенденции развития говоров в такой ситуации известны — это специфика вариативности (в говоре могут сосуществовать взаимоисключающие на территории распространения материнских говоров элементы);

¹ Под афронтальностью понимается такой тип языковых контактов, когда отсутствует относительно четкая граница между разными диалектами или языками, что отражает ситуацию языковой и диалектной мозаики.

противоположная вариативности унификация приводит не только к выбору наиболее стойких из варьирующихся форм, но и к выработке новых черт; гиперкоррекция, лексикализованный характер фонетических и морфологических явлений (АУМ 3: 6–9). Вместе с тем отдельные факторы способствуют консервации переселенческих говоров.

Преодоление сложностей описания, связанных с мозаичностью говоров и диалектных черт, мы видим в подходе к говору как реальной коммуникативной системе в структуре территориально-языковых образований (УМ 2007: 105; Калнынь 2009). ЧДС является основным объектом описания. Подход к говору основан на анализе диалектных текстов, так как текст дает возможность проследить реальное проявление и функционирование языковых единиц. Поэтому вопросы тематика и программы вырабатывались в результате анализа имеющихся диалектных текстов, а ответы на них, в свою очередь, проверялись текстами.

По признаку времени образования среди украинских говоров МДД можно выделить два типа: (1) говоры более ранней формации (начало XIX в. и ранее); (2) говоры самой поздней формации (начали складываться в 40–50-х годах XX в.). Даже среди говоров более ранней формации сохранились мозаичные ЧДС, которые до сих пор можно условно назвать моногенетическими (монодиалектными, гомогенными). Но большинство говоров, вероятно, относится к числу гетерогенных (смешанных, полидиалектных, полигенетических).

Здесь есть говоры с признаками моногенеза всех трех генетических типов: с юго-западной материнской диалектной основой — их больше всего (Пк., Рл.1, Рл.2, Мл., Вс., Ну. и др.), северной (Яр.) и юго-восточной (Пл.).

Если выделение моногенетических говоров двух первых типов по лингвистическим критериям не вызывает трудностей, то гомогенные говоры юго-восточной основы мы определяем, опираясь прежде всего на сведения о переселении, так как установить, где и когда произошло смешение черт архаических наречий украинского языка (до 1812 года на территории распространения продолжающего формироваться юго-восточного наречия или после — уже на территории МДД), довольно сложно. Говоры юго-восточного диалектного типа очень близки к полигенетическим. Последним в ареале свойственна мозаичность диалектных черт, представление о которой дает высказывание одного из исследователей этих говоров, демонстрирующее настроенность традиционной диалектологии на описание старожильческих диалектов: «...не совсем ясно, почему диспалатализация *ц* больше всего проявляется в селах Десантное и Трудовое и почти что совсем отсутствует в близком от них с. Шевченково, меньше проявляется в г. Килие...» (Мукан 1960: 63). Такого

плана мозаичность наблюдается и внутри родственных моногенетических микросистем. Тем не менее, именно моногенетические ЧДС в пределах МДД являются одним из самых интересных объектов наблюдений над языковой динамикой, так как в отношении их доступно сопоставление относительно достоверных данных всех трех синхронных срезов.

Первый срез — период начала формирования, вероятно, большинства переселенческих говоров в МДД — начало XIX в. (после заключения Бухарестского договора 1812 года). Именно сопоставление данных первого среза с последующими наиболее достоверно для многих моногенетических ЧДС ареала МДД. Данные для этого предоставляют современные (и более ранние) наблюдения над материнскими для таких ЧДС говорами (в том случае, если последние сохранились), а также наблюдения над другими говорами такого же происхождения, дающие возможность предположить, что некоторые черты были присущи материнским ЧДС, и соответственно — изначальноному состоянию новообразованного говора. Источниками таких сведений являются (АУМ 2), некоторые региональные описательные и лингвогеографические исследования (Герман 1995; АПБ 1; АПБ 2; Павлюк 2003 и др.) Но необходимо учитывать, что ЧДС, принятые в качестве материнских для моногенетических говоров, тоже претерпевали изменения. Возможно, в МДД факторов, способствующих консервации говоров, в некоторых случаях было даже больше.

На втором срезе (приблизительно 60–70-е годы XX в.) данные для сопоставления по некоторым ЧДС и языковым явлениям дают работы В. П. Дроздовского, А. М. Мукан, В. П. Логвин, П. Е. Гриценко (1980), АУМ 3. Вероятность достоверности наблюдений на этом срезе, в отличие от первого, существует для всех генетических типов говоров. Но она выше для гомогенных ЧДС, поскольку объектом многих описательных работ не был говор, вследствие чего черты одной ЧДС могли проецироваться на другую. Наиболее уязвимы в этом отношении гетерогенные говоры. Так, (Мукан 1960) утверждает, что суффикс сравнительной степени прилагательных и наречий *-ишч-* присущ ЧДС Шв. Но современное исследование, проведенное на основании анализа значительного объема диалектных текстов с использованием математических методов (Делюсто 2010), показало, что этот формант сегодня там не представлен. Сомнений в том, динамический ли это показатель или результат взаимного проецирования черт однотипных говоров, у нас гораздо больше, чем в случае с распространенностью в гомогенных ЧДС Рл.1 и Рл.2 в этот период элемента *май* (Дроздовский 1962а: 128; Логвин 1965), представленного теперь фрагментарно, но замещенного частицей *мей* (*мей дббре*), что отражено и в текстах, и в ответах на вопросы.

Данные для третьего среза (современное состояние говоров — 10-е годы XXI в.) содержат, прежде всего, наши наблюдения, основанные на текстах и вопросенике.

Следует сказать, что нередко данные иногда даже одного среза конфликтуют. Но зная специфику этих говоров и уже известные недостатки тех или иных методик, можно, как правило, найти объяснение таким противоречиям. Например, анализируя (АУМ 3, карта 50), можно прийти к выводу, что большинству говоров свойственны чередования $z, k > z', \zeta'$ (*по дорозі, на ялинці*), в то время как результаты описательных работ это отрицают (Дроздовський 1962а; Муқан 1960). Однако знание лексикализованного характера диалектных фонетических и морфологических явлений оберегает от ошибочного обобщения.

Проанализируем некоторые явления в разных типах украинских ЧДС региона МДД. Это главным образом моногенетические явления, отражающиеся в морфологии говоров. Анализ имеет своей целью ответить на вопросы: (1) какие черты материнских говоров остаются, а какие исчезают? (2) какие интегральные и дифференциальные для разных типов ЧДС черты вырабатываются в этих говорах? (3) что является причинами изменений говоров — междиалектные контакты (в пределах украинского языка; украинских ЧДС с говорами других языков), влияние литературных идиомов (украинского языка, других языков)? (4) какие тенденции прослеживаются в развитии анализируемых ЧДС?

Сведения о соотношении говоров с материнскими ЧДС дают разные исторические источники и описания говоров, свидетельства диалектоносителей, наши наблюдения. Так, для большинства украинских моногенетических ЧДС юго-западного типа — это севернобессарабские говоры, объединяющие черты буковинских и подольских. Согласно исследования К. Ф. Германа, западная часть этих говоров относится к переходным от буковинских к подольским, восточная — к подольским (АПБ 1, карта 322; АПБ 2, карта 200). Восточная область ареала покутско-буковинского диалекта является территорией бывшего Хотинского уезда Бессарабской губернии, откуда в начале XIX в. в связи с его густонаселенностью, с усилившейся помещицкой эксплуатацией (Зеленчук 1979: 120), происходили активные массовые переселения (нередко имеющие характер бегства) в менее заселенные в то время южные уезды этой губернии. Например, говор с. Пк., основанного, по одним данным в 30-е годы XIX в. (ИМС: 797), по другим — в 1909 г. (ВРУ), соотносится с материнским Хотинском, Кельменцами, Россошанами, а также территорией бывших Оргеевского и Бендерского уездов (к последнему с. Пк. раньше и относилось) (ИМС; Дроздовський 1961; Панчоха 2003). Говор с. Рл.1, основан-

ного во второй половине XVIII в. (ИМС: 784) или 1832 (ВРУ), 1830 (Зеленчук 1979; Батюшков 1892), соотносится с Хотинном, возможно, Вороновицей, Кырлыково (Зеленчук 1979: 120) или Карлыково (Батюшков 1892: 146). Село Мл. (1805 ВРУ), очевидно, генетически связано с одноименными населенными пунктами бывшего Хотинского уезда, и т. д. Материнскими для анализируемых говоров могли стать и такие села Хотинского уезда, как Бурдюг, Новоселица, Недобоевцы, Широцы и др., откуда происходили массовые переселения (Зеленчук 1979: 120). Важным для соотнесения с материнскими говорами считаем и то, что в результате такого переселения некоторые села Хотинского уезда были покинуты практически всеми их жителями (там же: 120). Наблюдается в МДД и вторичная производность ЧДС — Рл.2 (1902) происходит от Рл.1, украинский говор Нд. (бывшая немецкая колония Эйгенфельд), где есть и не украинские говоры, происходит преимущественно от Мл. (после 1940).

Языковые характеристики говоров и исторические данные, как правило, коррелируют, но в отдельных случаях, например, в отношении с. Вс. (ИМС), противоречат друг другу. Однако сохранившиеся черты позволяют соотнести говор с протодиалектом, и даже с протоговорами. Такие основания дает, например, зафиксированная в Вс. глагольная форма *жыйѐи* ‘живешь’ (АПБ 1, карты 14, 296). То же касается и говоров, относительно которых есть более достоверные данные о заселении. Например, форма инфинитива *йсти* ‘идти’, замеченная в Рл.1, а также возможная в Рл.2, где фиксировались отдельные случаи употребления вторичного *с* в глаголах *йстїй*, *найстїй* (Дроздовский 1961: 135) и, со слов респондентов, в Мл., сужает соотнесение их с говорами на материнской территории, среди которых и несуществующее теперь с. Молодово (Молдово) Сокирянского р-на Черновицкой обл. (ср. АПБ 2, карта 118).

Наблюдения над динамикой языковых явлений в условно моногенетических ЧДС с севернобессарабской основой, отраженных в их морфологии, позволяют выделить несколько типов фактов. Это:

(1) Черты, фиксируемые теперь как интегральные для таких ЧДС, преимущественно отмеченные на втором срезе и широко представленные в материнских говорах. Вероятно, они были свойственны материнским и переселенческим говорам в их первоначальном состоянии.

(2) Специфические черты, которые наблюдались на втором срезе, но теперь в одних говорах сохранились, в других — исчезли или почти исчезли во всех говорах. В большинстве своем они указывают на генезис ЧДС. Последнее касается и черт, не замеченных ранее, но отмеченных нами.

(3) Черты, которые не наблюдались ни теперь, ни раньше, но широко представлены в материнских говорах и поэтому некоторые из них, вероятно, присутствовали на начальном этапе формирования ЧДС. А если их не было, то это может уточнять происхождение говоров.

(4) Черты, не свойственные материнским говорам в их сегодняшнем состоянии, могут быть новыми или сохранными архаичными. Среди новых черт, сформированных под влиянием контактирующих украинских говоров других типов, а также под воздействием других языков, выделяются заимствованные и вновь выработанные. Эти черты наблюдаются как внутри группы говоров, так и во всех их типах. Отнесенность явлений к числу интегральных для разных типов говоров свидетельствует об их новообразовании.

Опуская рассмотрение ряда фактов, сконцентрируемся на тех, которые имеют наибольшую диагностическую силу — указывают на происхождение ЧДС и имеют первостепенную значимость для типологии говоров.

Ряд черт, фиксируемых теперь как интегральные для говоров с юго-западной основой и дифференциальные в ареале, преимущественно отмеченных на втором срезе (АУМ 3; Дроздовский 1961; Логвин 1965) и широко представленных в материнских ЧДС (АУМ 2; АПБ 1; АПБ 2), с высокой долей вероятности был характерен для их первоначального состояния и теперь сохранился. Среди них:

диспалатализация [ʎ] и [ç], отраженная в последовательной твердости глагольного постфикса *-ca (-c)* (*вд'їца, дивїса, не купáлис*), суффикса *-ск-* в прилагательных и наречиях (*желембѣтска, по-руски*), местоименного неопределенного постфикса *-с* (*їакийс, колїс, дес, ш'ос*), местоименных форм (*ца, цу, уса, дóси, сўди*), основ существительных (*в'ївцá, н'їмец, ланцўг, на вўлицу, овѣц*);

твердость глагольных флексий 3 л. мн. ч. *-ат, -ут* (*говóр'ат, лóвл'ат; кáжут, посилáють*);

формы Род. п. местоимения (*цѣго*); ударение в формах местоимений (*мóйя, твóйя, мóйї, твóйї* и др.);

конструкции Тв. п. типа с *нóжиками наструáли, вилївáли з водóйу*;

последовательная и в то же время лексикализованная мягкость основ при склонении некоторых существительных м. р. на *-р* (*бáзár', базáр'у, базáр'ом*); формы Тв. п. ед. ч. I склонения *a*-существительных (*М'їшом, Сáшом*);

формы местоименных наречий *в'їтки, в'їти, в'їци*;

формы Дат. п., Пр. п. ед. ч. существительных II склонения с флексией *-ови* (*женихóви, по хл'їбови*) и др.

Эти явления, относительно последовательно прослеживающиеся в МДД в

большинстве моногенетических говоров юго-западной севернобессарабской основы, но не встречаются или спорадически фиксируются в ЧДС другого происхождения (Пл.).

При этом переход $л > \ddot{y}$ (*гор'іўка, сон'іўка*), отмеченный в Рл.1, Рл.2, Мл., Пк. (Дроздовский 1961: 135), теперь во всех этих говорах стирается. Замещение же $a > e$ *ходзэйка* (Рл.1, Пк.) (там же), сохранение e в *учёра, шістьй* (Рл.2, Мл., Пк.) (там же), нивелируясь в Рл.1, Рл.2 и Мл., наблюдается более системно в Пк. Проявление регрессивной диссимиляции $mn > \ddot{y}n$ (*пóўну, пóўне*), фиксированное в Рл.2 (там же), оказалось довольно стойким в Рл.1, но совсем отсутствует в Пк. Употребление же у глаголов II спряжения в 3 л. мн. ч. форм типа *хóд'а, нóс'а, дóйа* (с утратой конечного t' , а точнее — t . — А. К.) (там же: 136) осталось регулярным только в Пк., а в Рл.1 отсутствует, хотя и отмечалось на втором срезе (Логвин 1965: 42). Материалы (АУМ 3, карта 74) подтверждают эти данные по Пк., но не соотносятся с ними по Рл.1, где преобладает все же твердый согласный t в окончании. То же самое касается и форм 3 л. ед. ч. II спряжения (АУМ 3, карта 73), в которых в Рл.1 выступает флексия $-e$, а не $-it'$ (*вáре, кóрме, дóше*). Вариант с t' в окончании (в частности $-it'$) сейчас для Рл.1 нетипичен. Твердость t в глагольных личных окончаниях *хóдит, хóд'ат, роб'іт* (Дроздовский 1961: 136) оказалась довольно стойкой во всех говорах с юго-западной основой, но больше всего — в Пк., Рл.1, Вс.

Отмеченные ранее как сохраненные лишь в речи старшего поколения (Пк.) глагольные перфектные формы *ході́лам, робі́лам* (Дроздовский 1961: 136) до сих пор известны носителям этой ЧДС. Более того, тут еще живы «аналитически-личные» (Бевзенко 1980) формы типа *ході́листе (бу́листе^е у нас / добáвка до мóви // сти, чу́листи / ба́чилисти / бу́листи // це у нас)*. ЧДС Пк. сохранила и беспредложные конструкции с Род. п. личных местоимений *йа, ми* на месте литературного Род. п. с предлогами *на* и *в* (*нóд менé нападáйе, сёрце захвát'у́йе ми^енé, д'іти ж бу́ли нас*) (ср. АПБ 2, карта 78; АУМ 3, карта 81).

У существительных I склонения ж. р. в моногенетических говорах МДД с юго-западной основой наблюдается преимущество форм двойственного числа (*дв'і свáд'б'і, три д'івчин'і, читі́р'і систр'і*), свойственных материнским говорам и спорадически встречаемых в говорах МДД другой диалектной основы. Однако по данным (АУМ 3, карта 76) можно прийти к выводу, что такие формы двойственного числа (*дв'і ру́ц'і*) из анализируемых говоров были характерны только для Рл.1, но не для Пк. Учет отношения говоров МДД к соответствующим чередованиям объясняет такое расхождение и должен от-

ражаться в вопросниках для этих говоров. В этой связи еще на втором срезе отмечалось, что существительные ж. р. с основой на заднеязычный согласный *з*, *к*, *х* в двойственном числе в южнобессарабских украинских говорах «совсем не фиксируются» (Дроздовский 1962а: 138).

ЧДС Пк. и Вс. хорошо сохранили как черты протоговоров частицу *май* (АУМ 3, карта 65; ср.: АУМ 2, карты 223, 224; АПБ 2, карты 52, 61, 63, 165, 170) и числительное *йіден* (*ден*), *йідного* (*йійного*), *йідна* (*йна*), *йе́дну́* (*йну*, *йдну*), *йідної́* (*йної́*) и т. д. (АУМ 3, карта 66; АУМ 2, карта 225; АПБ 2, карты 66–68). ЧДС Пк. имеет частицу *най*, выступающую с формой глагола повелительного наклонения или 3 л. изъявительного: *най госпóд' мілуй* (и *мілуйе*), отмеченную в родственных ЧДС МДД одними источниками (Логвин 1965), не фиксируемую другими (АУМ 3: 218) и широко представленную в материнских говорах (АУМ 2, карта 254; АПБ 2, карта 154). А говоры Рл.1, Рл.2 эти черты сохранили гораздо в меньшей степени, хотя они там наблюдались (Дроздовский 1961; Логвин 1965: 40, 42). В (АУМ 3, карта 66) на втором срезе отрицается наличие в Рл.1. форм *йіден* или *йеден*. Теперь в указанных ЧДС при доминантной *один* все же спорадически проявляется архаическая форма *ден дру́гу* ‘один одному’ (ср.: в Пк. и Вс. *йден* — вариант *йіден*), *т'іко йе́дна́*.

Элемент *май*, который в украинских южнобессарабских ЧДС отмечался на втором срезе в Пк., Рл.2 (Дроздовский 1962а: 128) и Рл.1 (Логвин 1965) — результат влияния румынского языка, черта материнских северnobессарабских говоров. В пользу этого свидетельствует и то, что в придунайских говорах, которые более чем на 20 лет дольше находились под усиленным влиянием румынского языка, *май* не появилось. На генетическую основу ЧДС указывает и то, как функционирует элемент *май*, распространенный в юго-западных украинских говорах (АУМ 2; Прилипко 1983; Павлюк 2003).

В румынском языке элемент *май* (*mai*) чрезвычайно многозначен — функционирует как наречие со значениями, адекватными украинским ‘більше’, ‘більш’; ‘ще’, ‘іще’; ‘майже’, ‘вже’, ‘уже’; ‘небагато’, ‘трохи’; ‘тільки’, ‘лиш’, ‘лише’; в сочетании с прилагательным и причастием образует сравнительную степень; в сочетании с артиклями *cel*, *cea*, *cei*, *cele* образует превосходную степень (DRU). В компаративе и суперлативе *май* означает не только ‘більш’, ‘найбільш’, но и ‘мени’, ‘наймени’, также имеет значение ‘знов’, может выступать в роли союзом (*то...то*) и частиц (*же*). В соотносимых с этими значениями *май* проявляется и в украинских говорах МДД (Пк, Вс.), а не только как формант степени сравнения. В отличие от ряда украинских говоров, функционирование *май* как способа выражения степеней сравнения

не регулируется тут ударением, а формы *иче май* (соотносится с румынским *cel mai*) не выражают превосходной степени (Прилипка 1983).

Частица *май* здесь прибавляется к положительной степени прилагательных и наречий (*май трудо, май красиво; май дорогой, май розумна*). Реже — к синтетической форме сравнительной степени (*май меньше, май дал'ше; май старша*), где она выступает как «частица для усиления качества прилагательного» (АПБ 2, карта 61). Превосходная степень может образовываться с помощью слова *самий*, добавленного к конструкции *май* + нулевая степень (*самий май добрий, сама май стар'ин:а*), где *май* усиливает значение аналитической формы суперлатива.

Компонент грамматической системы *май* функционирует и с глаголами (*май поклала, май помне, май походила, походила, май винесла*), существительными (*май дисципли'на була*), а также с местоименными словами (*такó май суди, май инчи^е, мама май такó була*) (ср. АУМ 2; АПБ 2).

В говорах Рл.1, Рл.2, Мл. этот элемент претерпел изменения. Слово *май* функционально заместились бессарабским *мей* (*мей добре, мей красиво*), хотя до сих пор можно встретить и *май* (*йазик де заб'ижит / та може й скажу*). Этих же говоров касается и уже упомянутая динамика числительного *йидэн, йедин*: при доминантной форме *оди́н*, форма *йеди́н* все же спорадически проявляется, чаще в функции местоимения (*а то ш'о за йеди́н*). Примечательно, что последний пример приведен из речи респондента, ответившего на вопрос о наличии числительного *йеди́н* в говоре отрицательно.

Итак, как правило, черты, охарактеризованные на втором срезе как стойкие, — сохранились. Отмечалось, в частности, что твердость [с] и [ц] в ряде грамматических форм «является еще довольно стойкой чертой», по которой жители других сел узнают райков — переселенцев из Хотинщины (Дроздовский 1962а: 75). Возможно, во многом в связи со стойкостью в ЧДС Пк., Вс. сохранился без изменений и элемент *май*. Но, как видим, могут удерживаться признаки, отмеченные и как исчезающие (*ходи́листе*). Ведь по поводу значительной части обсуждаемых здесь черт, увиденных предшественниками, было замечено, что они сохранены своеобразными оазисами в речи представителей старшего поколения, проявляя тенденцию к падению и лексикализации в сфере самых употребительных бытовых слов (там же). Не совсем понятно, однако, почему ранее не была зафиксирована такая системная, стойкая, ареально релевантная и явно не являющаяся вновь образованной в МДД черта всех говоров данного генетического типа, как структуры наречий *в'итки, в'иту, в'ици*.

Черты, которые сохраняются не фрагментарно, а системно, можно проследить в диалектных текстах. В Рл.1 и ряде других родственных говоров таки-

ми являются формы местоимений *цего*, реже *него* (чаще в Пк., Вс.); *мбйа*, *твбйа*, четкая твердость *са*, *ца* (у нас *цакайт*, у нас *тврдо*, *грубувато* и т. д.), формы типа *базар'*, *базар'у*, *базар'ом* и др., свойственные даже речи молодежи. Так же проявляются и формы числительного *йидён* и частица *най* (*най бог мйдуи*) в Пк.; *май* — в Пк. и Вс. В текстах видна степень активности вариантных явлений как сохранившихся, так и появившихся благодаря влиянию соседних говоров и литературного языка. Например, в Рл.1 и в Пк. респонденты употребляют и *один*, и *йидён*, и *йден*, но именно текстовая реализация демонстрирует характер их вхождения в коммуникативную систему. Кроме того, системные диалектные черты респонденты, как правило, не «переводят» в процессе общения с приезжими. Иногда сама вариантность (по крайней мере в сфере лексики и грамматики служебных слов) обусловлена попыткой объяснить диалектное явление.

Ряд диалектных черт наблюдался на втором срезе (Дроздовский 1961: 136). Но теперь эти черты полностью или частично исчезли во всех названных говорах севернобессарабского генетического типа. Например, были отмечены формы мн. ч. существительных с собирательным значением и окончанием *-ове* (*шоферове*) (в Рл.2, Рл.1, Пк.) (там же). Однако ни тексты, ни ответы на вопросы пока не подтвердили их существования ни в одном из названных говоров, а (АУМ 2, карта 191) демонстрирует фрагментарную представленность таких форм на территории протоговоров. К исчезающим явлениям в данных говорах относится и числительное *итири* ‘четыре’ (Рл.2, Рл.1, Пк., Мл.) (Дроздовский 1961: 136; Логвин 1965: 41). Не наблюдаются теперь и служебные компоненты «для выражения сравнительной степени... (*алиж*, *алий*, *алей*)» (Логвин 1965: 40). Примечательно, что среди почти стертых диалектных черт есть и такие, которые нивелируются в МДД во всех типах говоров и к тому же являются общими с литературным языком. Так, среди украинских ЧДС МДД теперь не прослеживаются отмеченные здесь ранее, правда, редко, в ед. ч. и прежде всего в речи старшего поколения (Дроздовский 1962а: 207), присутствующие в материнских ЧДС (АПБ 2, карта 140) синтетические формы будущего времени типа *робитиму*. А союз *алé*, отсутствующий в ряде украинских говоров МДД, что отмечено исследователями на втором срезе (Дроздовский 1962а; Муқан 1960), несмотря на наличие в литературном языке и сохранение в говорах МДД юго-западного типа, так и не появился в говорах смешанных, а также с юго-восточной и северной основами.

Нельзя обойти вниманием и черты, отдельные из которых довольно массово присутствуют в севернобессарабских говорах (очевидно, были на начальном этапе формирования данных ЧДС), но не были замечены в МДД ни

теперь, ни даже в 60-х годах XX в. Например, нет и не было на втором срезе в МДД формы инфинитива *ne^uчи* (АПБ 2, карта 116): форм с переходом *đ* в *r* (*r'id*, *leg' téplii* [АПБ 2, карта 62], *xóru* [АПБ 2, карта 120]); препозиции *c'a* (*c'a míti* [АПБ 2, карта 155]); препозиции *му, мѣте* (*му робіти* [АПБ 2, карты 140–141], *мѣте слухати* [АПБ 2, карта 144]); остатков некоторых перфектных форм типа *писáуїе^m*, *ходиуїес* и др. (АПБ 2, карты 131–134); «частиц для усиления качества прилагательного» *моц* и *фѣ^uіст* (*моц фáйний* и *фѣ^uіст фáйний* [АПБ 2, карта 59, карта 60]); форм числительного *дв'іск'і*, *дв'істо* (АПБ 2, карта 74) и др.

Перечисленные признаки дают возможность предположить, что либо их тут исконно не было (тогда можно сузить круг гипотетических протогворов), либо эти черты стерлись быстрее. Не исключено также, что некоторые из них просто отделились не комментировались, как, например, участие в образовании форм превосходной степени префикса *най-* (*найглібиий*) (АПБ 2, карта 57).

Обычно новые (не свойственные материнским ЧДС) формы легко входят в качестве вариантов в переселенческие говоры. Так, на втором срезе было отмечено, что в ЧДС Рл.1 «все прилагательные (как и соответствующие местоимения и числительные) оканчиваются на твердый согласный» (*сіний*, *сіна*, *трѣтий*, *їхний*) (Логвин 1965: 38), теперь же твердые формы варьируются с мягкими.

Вхождению в диалектные микросистемы новых элементов могут мешать уже функционирующие элементы. На наш взгляд, заимствованию форм 3 л. ед. ч. типа *пята́* (черты украинских говоров ММД с юго-восточной основой) в некоторые говоры с севернобессарабской диалектной основой, имеющие формы 3 л. мн. ч. типа *хóд'а*, мешает определенное противодействие элементов грамматической системы, порожденное возможной омонимией форманта при взаимодействии спряжений (*хóд'ут*).

В переселенческих говорах могут вырабатываться черты, не свойственные их материнским говорам. Многие из черт интегральны для всех разновидностей говоров на новой территории (частица *мей* — *мей іду с'уді*) или известны в говорах юго-восточного типа. Но, как видно на примере трансформации частицы *май* в Рл.1, Рл.2, Мл., возможна и выработка новых черт внутри групп говоров, сохраняющих моногенетичность, или в отдельных таких говорах.

К этой категории относится вопрос — являются ли вновь образованными или сохранившимися [но исчезнувшими на территории распространения материнских говоров (АПБ 2, карта 139; АУМ 2, карта 243)] в отдельных моногенетических говорах МДД юго-западного диалектного типа специфические

формы 2 л. ед. ч. атематических глаголов *дасѣш*, *йісѣш*? Формы (ср.: Дроздовський 1961: 136; Логвин 1965: 42) функционируют в некоторых ЧДС как почти безвариантные (Рл.1), хотя АУМ свидетельствует об употреблении форм *дасіш*, *йісіш* (АУМ 3, карта 72), что нам представляется ярким примером того, как программа ограничивает раскрытие диалектной специфики (Гриценко 2003: II). Во время наблюдений второго среза было выдвинуто предположение, что окончание *-еш* в атематических глаголах можно объяснить или сохранением более древних особенностей говора, или влиянием глаголов типа *в'із'мѣш*, *дайѣш* (Дроздовський 1961: 136). Если данные формы новообразованные, то, возможно, они возникли в результате сближения фонем /e/ и /u/, подкрепленного грамматической аналогией с I спряжением. Но говоры, в которых это фонетическое явление актуально и прослеживается в ряде морфологических форм (*товарн'акѡве* — Дат. п. ед. ч. существительного; *крічѣш* — 2 л. ед. ч. глагола, *крічѣт*, *крічѣ* — 3 л. ед. ч.) (Пк.), имеют формы *даш*, *йіш* или *дасіш*, *йісіш*. В Рл.1 же данное фонетическое явление наблюдается лишь спорадически: *сѣл'ній*.

Привлекает внимание и функционирование окончания *-ови* в формах Дат. п. и Пр. п. ед. ч. II склонения существительных, фиксированное в Рл.1, Рл.2, Мл., Пк. (Дроздовський 1961: 136; Логвин 1965). Если в Рл.1 употребление этого окончания характеризовалось как «последовательное во всех случаях» (Логвин 1965: 35), каким в целом оно и осталось, возможно, лишь немного усилив вариантность с *-ов'і*, то в Пк. окончание *-ови* варьируется с *-ов'і*, *-ове* (*жен'іхѡв'і*, *жен'іхѡві*, *жен'іхѡве*) с небольшим доминированием *-ови*. В материнских говорах представлены формы с финальным *-и* в окончаниях *-ови*, *-еви* (АУМ 2, карты 177–179), а также *-ови^е*, *-ов'і*, *-у*, с основой на [ч] и [ц] — фрагментарно и *-еви^е*, *-еві* (АПБ 2, карты 27–30). В Пк., вероятно, как и в Рл.1, немного усилился вариант *-ов'і* и появились (или сохранились) формы с *-ове*, объясняемые фонетическими особенностями (*в поійізд'і товарн'акѡви^е*, *в Березинѡве*).

В Пк. зафиксированы специфические безвариантные формы существительных I склонения м. р. в Тв. п. ед. ч. (*з Тѡл'ом*, *Ван'ом*, *Грішом*), возникшие в результате индукции со стороны II склонения. Такие формы замечены и в других говорах севернобессарабской основы (Логвин 1965: 34). Они выступают и в Дат. п. (*Тѡл'ові*, *В'ім'ові*), иногда и в Род. п. (*Ван'а*), варьируясь с формами по модели I склонения (*Ван'і*), чего не было отмечено ранее.

В междиалектном взаимодействии в развитии данных ЧДС прослеживаются две противоположные тенденции. Одна — растворение юго-западных говоров с уменьшением количества черт юго-западного наречия, сильнее про-

являющаяся в Рл.2, Мл., где многое из того, что раньше наблюдалось (второй срез), теперь не обнаруживается. Это происходит под влиянием юго-восточного диалектного типа, литературного украинского языка, а также других языков в диалектной и литературной форме. Но самым сильным оказывается воздействие юго-восточного диалектного типа — близкого к литературному языку «наддиалектного образования» (Матвѣяс 1990). Данная тенденция является ожидаемой с учетом преобладания в регионе этого диалектного типа.

Другая тенденция, состоящая в модификации юго-восточных говоров под влиянием юго-западных — также закономерна, так как юго-восточный диалектный тип уже является смесью юго-западного и северного. Довольно много юго-западных черт функционирует здесь в разных типах говоров. Например, в Пл. (юго-восточная основа) встречаются такие характерные формы юго-западных говоров, как инструментальный Тв. п. с предлогом *з* (*з н'їжѣм зар'їжут'*). Возможно больше, чем в некоторых других ареалах распространения юго-восточного наречия, в МДД мозаично представлены суффикс степеня сравнения *-иич-* (АУМ 3, карта 65), формы и структуры существительных *хат'їу*, *со́ли*, *три машин'ї* и др. Как правило, такие черты появились в МДД в результате хаотичных дозаселений беглецами от панщины и рекрутчины (Мукан 1960). Но есть основания предполагать, что некоторые из явлений выработались в ареале под влиянием близкого контакта с компактно представленными здесь в моногенетическом виде юго-западными говорами. Например, воздействие говора Мл. на ЧДС Нг. и Нд. состоит в заимствовании последними специфических структур местоименных наречий (*в'їци*, *в'їти*, *в'їтку*), форм с твердыми [с] и [ц] (Нд.).

В Мл., таким образом, наблюдаем двусторонний процесс: влияние других генетических типов со стиранием юго-западных черт и воздействие этого говора как донора юго-западных черт на соседние. А в Рл.2 наблюдается преимущественно односторонний процесс — влияние на эту ЧДС юго-восточного диалектного типа со стиранием юго-западных признаков. Констатируется постепенное вытеснение из речи райков (переселенцев из Хотинщины) ряда специфических черт, заметных для тесно контактирующих с ними жителей окружающих сел, которые (со слов жителей Рл.2), имитируя их речь, называют их *їса на нѣго* 'смотри на него'.

Немало интегральных черт для разных типов говоров вырабатывается именно под влиянием других языков, в частности, русского, который в наибольшей мере обусловил устранение чередования *з, к, х > з', ц', с'* в существительных I склонения — формы имен собственных этого словоизменительного класса без чередований присутствуют во всех генетических типах ук-

раинских говоров МДД (на *Лунг'і*, в *Райл'анк'і*). Исследователями еще на втором срезе было отмечено, что для южнобессарабских говоров «устранение второй палатализации... является стойкой и очень распространенной чертой» (Дроздовский 1962а: 147), приобретенной именно на этих землях, поскольку здешние украинцы до переселения были преимущественно представителями тех говоров, где данное чередование есть и было нормой (там же: 148).

Носители украинских говоров всех генетических типов часто используют общие с русским (и румынским) языком названия месяцев (*феврал'*, *март*, *апрел'*, *май* и т. д.); а также выражения и слова *добре утро!* (не *добрий ранок*), *здрастуй!* (не *в'ітайу* или *добриден'*), *доска поч'ота*, *присидател'*, *колхоз* и др., хотя им известны украинские литературные соответствия.

Зафиксированные и на втором срезе заимствования из румынского языка *мей*, *бре*, *тата* также относятся к «новым диалектным явлениям, так сказать южнобессарабским» (Дроздовский 1962а: 33), т. е. явлениям, которые выработались в МДД и распространены здесь в ЧДС всех генетических типов. Ср. *думаїу* / *мей ш'о це такé* (Пк.), *гай бре* / *в'іриш йому́* (Рл.1), *лиш ийдно́ муч'ен'ііе й тата* (Пк.), *кому́ йа нужна бр'е*, *мей* / *в'ін йак но́гу влама́у* (Яр.), *мей!* / *малá куча!*, *та й бре* / *иді вже* (Пл.).

Частицу-междометие *мей* (рум. *таї* — укр. ‘гей, ей’ (DRU), а также ‘ей ти’, ‘е’) фиксируют региональные словари.

«*Мей* — 1. ‘интимное обращение к близкому лицу, употребляющееся вместо имени’; 2. ‘частица, употребляемая вместе с обращением, выраженным именем’ (*мей Ван'а* / *с'час зв'інок буде*)» (Дроздовский 1962б); «*Мей* — межд. форма обращения (*Мей* / *иді с'уди*)» (Бондар 2011). Значение похожей по употреблению на *мей* частицы-междометия *бре* (*брей*, *бр'е*) (рум. межд. *bre* — ‘ну’, ‘ей ти’) в украинских говорах МДД объясняется так: «*Брей*, *бре*, ‘междометие, заменяющее собой обращение; часто употребляется как средство интимизации речи’ (*ййхау* / *бре* / *тай пирикину́е там*; *це ж каз'онний чолов'ік* / *брей*)» (Дроздовский 1962б; Бондар 2011).

Междометие и наречие *тата* (*гата*) (в рум. *gata* — прилаг. ‘готовий’ (DRU), нареч. и межд. ‘готово’, ‘та й годі’, ‘і край’, ‘досить’, ‘все’) на втором и третьем срезе прокомментировано так: «*Гата* — ‘кінець’» (Дроздовский 1962б); «*Гата* — межд. молд. *Все; готово; закінчено, кінець*» (Бондар 2011).

Наблюдения над говорами МДД, как и над некоторыми другими переселенческими украинскими говорами (Глуховцева 2005), опровергают установившееся мнение о том, что открытость диалекта к изменениям зависит от иерархии языковых уровней. Трансформация прослеживается на всех уров-

нях языковой системы анализируемых ЧДС. В моногенетических говорах рассматриваемого типа нет такого уровня, который не подвергся бы изменениям, как и нет того, который потерял бы связь с материнской основой.

Список сокращений названий населенных пунктов

Пк. – Петровка Тарутинского р-на
 Рл.1 – Ройлянка Саратовского р-на
 Рл.2. – Ройлянка Татарбунарского р-на
 Мл. – Молдово Саратовского р-на
 Вс. – Высочанское Тарутинского р-на
 Ну. – Новоукраинка Тарутинского р-на
 Пл. – Плахтеевка Саратовского р-на
 Яр. – Ярославка Саратовского р-на
 Нг. – Негрово Саратовского р-на
 Нд. – Надежда Саратовского р-на
 Шв. – Шевченково Килийского р-на
 Все села расположены в Одесской области.

Литература

- АПБ 1 — *Герман К. Ф.* Атлас українських говірок Північної Буковини: Фонетика, фонологія. Т. 1. Чернівці, 1995.
- АПБ 2 — *Герман К. Ф.* Атлас українських говірок Північної Буковини: Словозміна, службові слова. Т. 2. Чернівці, 1998.
- АУМ 2 — Атлас української мови. Т. 2. Київ, 1988.
- АУМ 3 — Атлас української мови. Т. 3. Київ, 2001.
- Батюшков 1892 — *Батюшков П. Н.* Бессарабия. Историческое описание. СПб, 1892.
- Бевзенко 1980 — *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Бондар 2011 — Словник українських говорів Одещини / Гол. редактор О. І. Бондар. Одеса, 2011.
- ВРУ — Офіційний веб-сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/z7502/A005?rf7571=23265>.
- Герман 1995 — *Герман К. Ф.* Українські говірки Північної Буковини в історичному та лінгвогеографічному аспекті: Фонетика, фонологія. Чернівці, 1995.
- Глуховцева 2005 — *Глуховцева К. Д.* Динаміка українських східнолобужанських говірок. Луганськ, 2005.
- Гриценко 1980 — *Гриценко П. Е.* Генезис и семантическая структура сельскохозяйственной лексики украинских западнестепных говоров. Автореф. ... канд. дисс. Киев, 1980.
- Гриценко 2003 — *Гриценко П. Ю.* Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії // Українські говори Румунії. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003. С. I–XVI.
- Дельсто 2010 — *Дельсто М. С.* Граматика говірки у світлі тексту. Дисс. ... канд. фил. н. Київ, 2010.
- Дроздовський 1961 — *Дроздовський В. П.* Південнобессарабські українські говірки // Праці X республіканської діалектологічної наради. Київ, 1961. С. 132–155.
- Дроздовський 1962а — *Дроздовський В. П.* Українські говірки Бессарабського Примор'я (на матеріалі обстеження Саратовського, Татарбунарського та Білгород-Дністровського районів Одеської області). Дисс. ... канд. фил. н. Одеса, 1962.

- Дроздовський 19626 — *Дроздовський В. П.* Українські говірки Бессарабського Примор'я (на матеріалі обстеження Саратовського, Татарбунарського та Білгород-Дністровського районів Одеської області). Дисс. ... канд. фил. н. Частина II (додатки). Одеса, 1962.
- Жилко 1971 — *Жилко Ф. Т.* Про лінгвогеографічне дослідження новостворених говорів української мови // Праці XII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1971. С. 3–13.
- Зеленчук 1979 — *Зеленчук В. С.* Население Бессарабии и Приднестровья в XIX в.: этнические и социально-демографические процессы. Кишинев, 1979.
- ІМС — Історія міст і сіл Української РСР. Одеська область / Ред. кол. Гладка Л. В., Ануфрієв Л. О., Бачинський А. Д. та ін. Київ, 1969.
- Калнынь 2009 — *Калнынь Л. Э.* Проблемы описательной диалектологии в контексте современного изучения диалектов // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старобрядчества: Тезисы докладов Международной конференции. М., 2009. С. 92–94.
- Ловгин 1965 — *Ловгин В. П.* Морфологічна система говірок нижньої правобережної Наддністрянщини // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965. С. 33–43.
- Матвіяс 1970 — *Матвіяс І. Г.* Картографування причорноморських українських говорів // Праці XIII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1970. С. 134–141.
- Матвіяс 1990 — *Матвіяс І. Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.
- Мукан 1960 — *Мукан А. М.* Українські наддунайські говірки. Фонетико-граматичні особливості. Дисс. ... канд. фил. н. Глухів, 1960.
- Павлюк 2003 — *Павлюк М.* Українські говори Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003.
- Панчоха 2003 — *Панчоха А. С.* Прошлое и настоящее нашего края. Край родной, Петровка моя. Тарутино, 2003.
- Прилипка 1983 — *Прилипка Н. П.* Форми словозміни і ступені порівняння прикметників // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983. С. 61–101.
- УМ 2007 — Українська мова. Енциклопедія [3-є вид.]. Київ, 2007.
- DRU — Dicționar română-ucraïnean. Editura Alexandru cel bun Cernăuți – Ucraina, 1963.

Summary

A. Kolesnikov

From the observations on dynamics of the Ukrainian dialects spread in the area between the Danube and the Dniester rivers

The article deals with the investigation of the dynamics of some morphological phenomena of different types of the Ukrainian dialects of new formation spread in the area between the Danube and the Dniester rivers. The author characterized homogeneous dialects of South-West origin and tried to classify transformational processes in them.